

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 34 АВГУСТ 1988

**РЫНОК
ПРОТИВ
ДЕФИЦИТА**

**ДЕТСКИЙ
ФОТОВЕРНИСАЖ**

**ИСКУССТВО
ЖАЖДЕТ ТИШИНЫ**

**СУДЬБА
РЕЗИДЕНТА**

**СЪЕМКИ В СТИЛЕ
ПОСТМОДЕРН**

**ВОЗРОДИТЬ
ИСЧЕЗАЮЩУЮ
КУЛЬТУРУ!**

8E-18

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

Д. ЛИХАЧЕВ,
академик

Фрагмент иконы. План древнего кремля.

**МЫ ВОЗМУЩАЕМСЯ ТЕМ,
ЧТО ПРОИЗОШЛО
С НАШИМИ ГОРОДАМИ,
С НАШИМИ
ИСТОРИЧЕСКИМИ
ПАМЯТНИКАМИ.
НО ВОЗМУЩАЕМСЯ МЫ
КАК-ТО КУСТАРНО.
НУЖНО НАЧАТЬ
НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОТЕРЬ,
ПОДНЯТЬ АРХИВЫ,
ВЫЯСНИТЬ, ЧТО ПРОИЗОШЛО?
КАК ЭТО ПРОИСХОДИЛО?
КТО УНИЧТОЖАЛ
КУЛЬТУРУ НАРОДА?
ЭТО НАУЧНАЯ ЗАДАЧА,
А НЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ.**

Новгородский кремль
на фоне Волхова.

И

происходить это должно спокойно, без истерики. Факты должны сами воздействовать своей непреложной объективностью.

Вот хотелось бы на основе архивных разысканий знать, куда девались наши тысяче-летние богатства, в том числе и церковные. Они были изъяты, но какова их судьба? Ведь среди них не только зо-

лото, серебро и драгоценные камни, были же вещи, важные для истории русского искусства. Они как будто бы передавались в государственные музеи. Но на самом деле оказывается, что многое ушло за границу. Скажем, серебряный иконостас Казанского собора Петрограда. Подаренный атаманом Платовым, он был отлит из отбитого у французов серебра.

А куда исчезли император-

Александр Петрович и Валентина Борисовна Грековы посвятили себя возрождению фресок, разрушенных войной, церкви Спаса Преображения на Ковалеве.

Интерьер Софийского собора.

Стены церкви Спаса Преображения на Ильинской улице хранят уникальные фрески Феофана Грека.

«Витославицы» — музей народного деревянного зодчества.

ЕМ,
ЛО
МИ,
МИ
МИ
МИ.
НЫ
НО.
АТЬ
РЬ,
ВЫ,
ЛО?
ЛО?
КАЛ
ДА?
ЧА,
АЯ.

Новгород. Троицкий раскоп.
Вскрыт культурный слой XIV века.

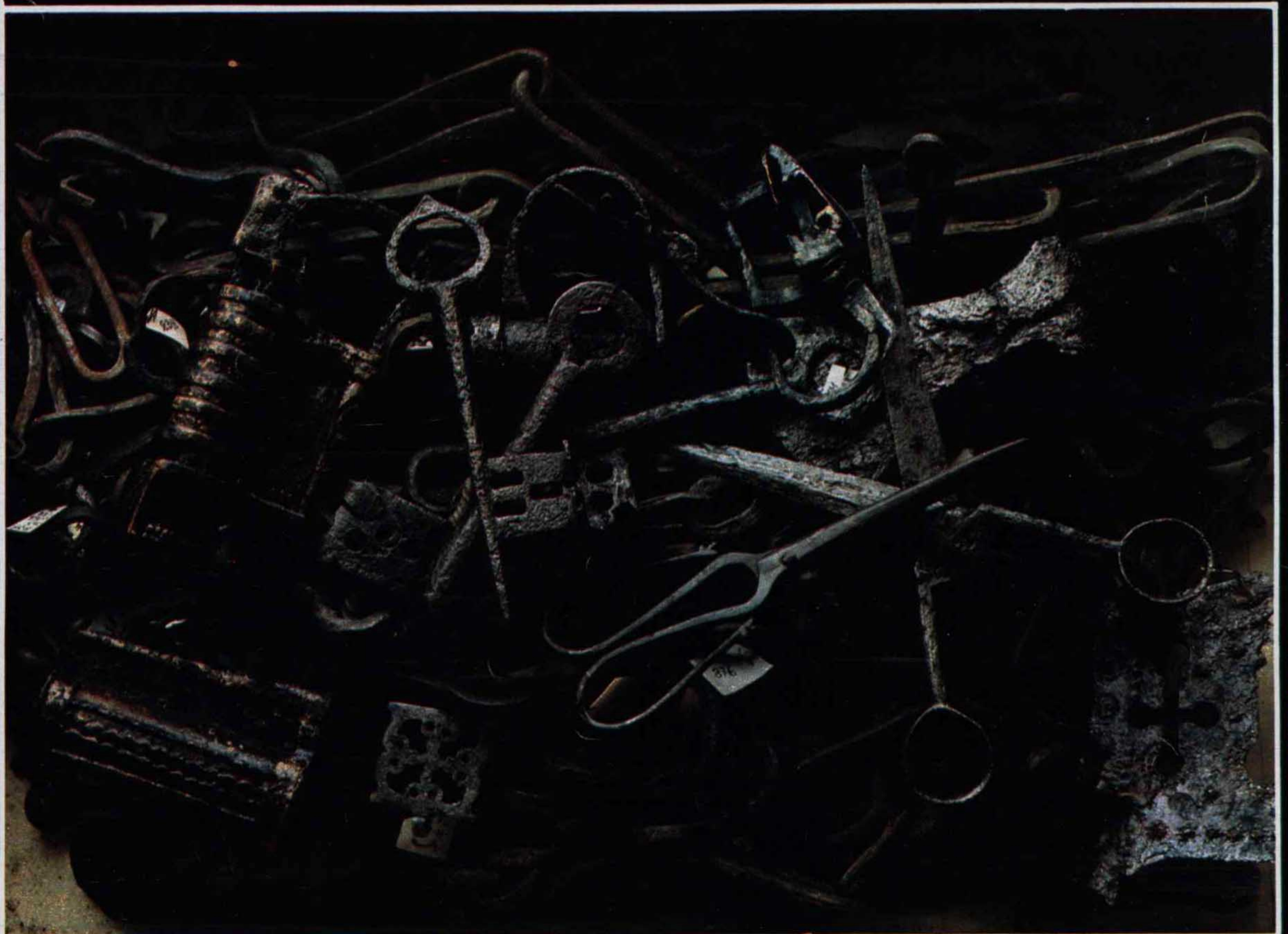
Алексеевский крест.
Работа новгородских резчиков по камню. XIV век.

Кратер. XII век. Мастер Коста. Новгород. Серебро.

Находки археологов.

ские ценности из Петропавловского собора? Где вещи из раскрытых могил царской фамилии?

Начавшись году в двадцатом, утечка национальных сокровищ продолжается до сих пор. Это можно с уверенно-

стью сказать, потому что и сегодня что-то мелькает на международных аукционах.

Каким образом, скажем, Филонов попал в Центр Помпиду?

Сам Филонов голодал, но считал, что ничего не должно уходить из страны. Он ел черный хлеб с клюквой и пил один чай, но ничего не продал из работ. Потому что он не продал души художника, мечтал о музее аналитического искусства.

Потом за его полотнами строго следили сестры художника. Бесплатно передали картины брата в Русский музей. Не пожертвовали — передали на хранение. И вдруг оказывается, что полотно Филонова на Западе, и нас уверяют, что виноваты сестры. А я знаю, что и в блокаду они голодали, но ничего не продали.

Меня также интересует деятельность «Международной книги». Она торговала книгами из разных библиотек, усадебных и государственных. Мне было важно знать, за какую цену из Публичной библиотеки Ленинграда ушел «Синайский кодекс», древнейший кодекс Библии. Сейчас он находится в Британском музее. Где переписанный в XIV веке митрополитом Алексеем Новый Завет? Где многое другое?

Мы сейчас заняты судьбой отдельных людей, но кто займется установлением судьбы культурных шедевров?

Вершиной распродаж были распродажи Эрмитажного собрания, а основание этого страшного айсберга огромно, оно коснулось всех усадеб России, всех собраний всей страны.

Говорят, что из Эрмитажа Рафаэль не продавался. Это значит, что рафаэлевские «Георгий Победоносец» и «Мадонна Альба» проведены по спискам Зимнего дворца. Когда-то самое большое собрание Рембрандта было в Эрмитаже. А что сейчас? Где Ван Дейк, Веласкес, Тициан, Фрагонар, Буше и т. д., и т. д.?

Что-то продавали, что-то широким жестом дарили.

«Московский дворик» Поленова, один из авторских вариантов, был подарен французскому музею «Комеди Франсез». Они восхитились картиной, а вернувшись в гостиницу, нашли ее в номере. (Мне это рассказывали французы.)

Скажут, что мы не только продавали, но и покупали. Но что мы продали и что купили? Меншикова Растрелли? Не мало ли?

В 30-е годы мировой рынок художественных ценностей был перенасыщен нашими картинами, и цены на великую живопись резко упали в Соединенных Штатах, Франции, Англии, даже в Португалии.

Сейчас Эрмитаж — крупнейший музей мира. Но ведь это произошло за счет упразднения других отечественных собраний, за счет передачи в Эрмитаж многих картин, часто второстепенных.

«Первым рядом» торговали, «третий» было невыгодно продавать, вот и ломается запасники.

Мировой рынок переполнен Фаберже, у нас же его изделий почти не осталось.

Министерство культуры СССР и сегодня дает разрешение на продажу художественного наследия прошлого. Этой весной в финской гостинице «Интерконтиненталь», в ларьке, я видел прекрасные русские иконы XVII и XVIII веков с удостоверениями нашего Минкультуры. Значит, распродажа продолжается. И нас уверяют, что это «ненужные» вещи!

В 30-е годы появилась такая концепция, мол, раньше музеи были хранилищами коллекций, а у наших музеев педагогический уклон, в них представлено все, но со строгим отбором. Концепция и была создана для оправдания распродаж. (Кстати, Веласкес ушел просто целиком!) Для будущего культуры это оказалось ударом. Ведь музеи создавали, воспроизводили культуру. Это те же училища живописи, как библиотеки — те же университеты.

Мы можем лишиться университетов,

но если останутся музеи и библиотеки, культура и искусство не исчезнут.

Меж тем годы, когда библиотекам не отпускалось необходимого, начинают сказываться. Там пожар, тут разрывает отопительные трубы, повсеместно — грабеж среди бела дня. Гибель и запустение.

Почему библиотека Института мировой литературы, великолепная библиотека, столько лет гниет по подвалам и недоступна для исследователей? Ведь это же удар по нашему литературоведению!

«Память» и прочие экстремисты списывают все беды на инородцев и инноваторов. Логика знакомая: все виноваты, кроме нас самих! Так вот, чтобы нелепость эта не проходила, необходимо установить все факты ущерба национальной культуре. И сказать, кто виноват. А виновата система, режим, целые учреждения. Что, конечно, не снимает личной ответственности. «Память» будет тлеть в обществе, пока нет достаточного уровня гласности. А его еще нет.

И когда валят на инородцев, мне мерещится тень Сталина, тень сталинизма. Сталинский план переселения народов и шельмования целых национальностей. Сталинский страх и подозрительность. Сталинский поиск вредителей и врагов народа. Целые народы были «врагами народа». Это мышление с 30-х годов навязывалось стране, воспринималось десятилетиями. И сейчас прорастает, грозит принести те же кровавые плоды.

Вот почему так необходимо точно знать, что и когда уничтожено, продано, заблуждено. И кем это сделано.

Все это напрямую относится к новейшей истории двух великих в истории русской культуры городов — Пскова и Новгорода.

Великих и древних. Псков — это родина княгини Ольги, которая и крестилась-то много раньше своего внука Владимира. Село, где родилась Ольга, псковское село Выгуды, существовало до самого последнего времени. Пишу в прошедшем времени, потому что не знаю, существует ли оно сейчас, оказалось ли оно «перспективным». В последние годы исчезли многие исторические села и населенные пункты. Погибла и память о них.

В Швеции или Норвегии известна история каждого села, есть книги по истории деревень. И каждый житель гордится своим селом, потому что знает его историю. У нас на рубеже 30-х краеведение было объявлено буржуазной националистической наукой. А краеведы были арестованы. И до сих пор краеведение на должном уровне не возобновлено. Возродить его — одна из задач нашего Фонда культуры.

Одна из самых красивых псковских церквей — Сергий с Залужья. Она всемирно известна, великолепное ее произведение было в «Истории русского искусства» Игоря Грабаря.

Сначала ее приказали снести, но снос был приостановлен, хотя главу успели таки порушить. Не снесли, но застроили многоэтажными домами и даже гаражами. Мы с Вениамином Кавериним протестовали, добились того, чтобы гаражи убрали. Но и только.

Кинотеатр «Октябрь» в Пскове построили так, чтобы он отвлекал старушек, идущих в церковь Троицы. Этакий громомотвод от религиозного дурмана. Так начальство понимало исключительную важность киноискусства.

При строительстве погибли бесценные, не исследованные никем пласты культурного слоя, а в них — псковские древние водоотводы. Сегодня кинотеатр «Октябрь» проседает. Планируется его снести.

Но когда он проектировался и строился, в 50-е, Псков был еще красив, он еще был старым Псковом. А потом его застроили.

Застройка Пскова равнялась его уничтожению. Потому что если городской чиновник снесет древний храм, ему никто слова не скажет сверху,

а если он сроет стоящее на балансе панельное «человекохранилище» десятилетней давности, его будут судить.

Красоту Пскова убили панельной застройкой. Она велась даже по берегу реки Великой, даже на площади перед кремлем.

Застройка сводила на нет все усилия реставраторов. Они восстановят, а восстановленное обнесут пятиэтажками, как забором.

Вообще современная застройка наших городов — это унылое однообразие гигантских трехмерных заборов.

Псков и Новгород — культурные центры древнерусской вечевой демократии. Там начиналось русское Возрождение. Оно не развилось, потому что республики были раздавлены Москвой. Оно дало лишь первые победы, которые мы видим в собственно возрожденческих приемах живописи, в интересе к индивидуальности человека и теме материнства. Шел этот процесс и в Центральной России (вспомним Феофана Грека и Рублева!), но все-таки основными центрами Предвозрождения были Псков и Новгород.

Сегодня в Новгороде климат определяется химическим комбинатом: воздух в городе пропитан такой дрянью, что на глазах разрушаются новгородские фрески и иконы. А между тем Новгород с его музеями — третий по величине центр древнерусского искусства в стране. Третьяковка, Русский музей. И потом — новгородские собрания.

Даже древний известняк, строительный новгородский камень, не выдерживает ядовитых испарений. Крошится.

Известняк — материал нежный и хрупкий. В древности его штукатурили и белили. На новгородских иконах мы видим храмы — светло-голубые, светлорозовые. Теперь делаются попытки оставить известняк без штукатурки и побелки. Одна из них — Петр и Павел на Софийской стороне. Но это все равно, что человек со снятой кожей.

И в Новгороде лучшие храмы застроены.

Сохранение памятников идет главным образом в пределах исторического ядра города. А нужно сохранять весь город целиком. Более того, Новгород не может быть отделен от своих окрестностей, он естественно переходит в Красное (красивое!) поле. Поле это действительно ценили за красоту. И по его горизонту высились церкви. На одном берегу Волхова — Юрьев монастырь, на другом — Юриково городище и Нередица, затем шел Кириллов монастырь, Андрей на Ситке, Ковалево, Волотово, Хутины.

Я видел все это еще перед войной.

С принятием христианства Киев стал соперником Константинополя и началось на Руси строительство Софийских храмов.

Люди верили, что Русь находится под покровительством Божьей Матери. А София — это объединение Премудрости Божьей и Богоматери в одном лице.

Новгородская София в отличие от киевской не подвергалась решительной перестройке. Потому-то она ценна особенно. Это она хранит на своих стенах и сводах ранние фрески, росписи, глаголические надписи и граффити.

По преданию, записанному в Новгородской третьей летописи, этот город стоит до тех пор, пока Вседержитель в куполе удерживает в деснице его судьбу. Снаружи центральный купол был густо позолочен, в нем, как в зеркале, отражались облака.

Немцы выпустили первый же снаряд по куполу Софии. Но вопреки пророчеству город еще стоит. Хотя и гибнет, задыхается от застройки и химкомбината.

Построили пешеходный мост через Волхов — нанесли удар по образу города. Что для Новгорода Волхов? Центральная улица, поскольку сам город был портом четырех морей. По Волхову шли ладьи с товарами, и Новгород ставился лицом к Волхову. И вдруг мы возводим громадный театр, обращенный к Волхову задом.

Это все равно, что вывернуть город наизнанку!

Как можно настолько не задумываться о красоте и историческом укладе?

Планировали-то свои!

Меня уверяли, что на содержание этого театра в год мы тратим чуть не полмиллиона. Театра, в который не ходят или почти не ходят зрители. Театра, стоящего задом к культуре, выстроенного не по размерам города.

Сейчас зрителю прежде всего нужны маленькие залы, ведь в современных пьесах не участвуют танки и конница. С кинематографом и телевидением могут конкурировать только маленькие театры: в Европе и во всем мире сейчас их расцвет. Лишь в таких условиях возможен контакт зрителя с актером.

В новой рубрике «Огонька» я хотел бы увидеть не только красивые снимки древнерусских городов, но и то, в частности, как нельзя эти города застраивать. Нельзя застраивать новгородское Красное поле, нельзя тянуть город к Юрьеву монастырю. Тем более стандартными зданиями.

Новгород был необыкновенно красив перед войной: невысокие деревянные дома, окруженные садами, тысяч пятьдесят жителей. После войны было решено, что в Новгороде будет только электрическая промышленность. Ни о какой другой (химической и прочей) не было и речи. Значит, и при Сталине понимали, что такое этот город. А потом понимать перестали.

Сейчас в правительстве решается вопрос о возрождении Пскова и Новгорода, о приведении их в порядок. На это будут отпущены большие деньги. Но есть опасность, что получится, как с Суздалем: развитие туризма превратит древнерусские города в «валютные». Значит, нужно сначала возродить города для жизни (причем не только их исторические центры, а целиком!) и лишь потом строить отели для иностранцев.

И хорошо, что будут приглашены специалисты-реставраторы из Болгарии и Польши. У них большой опыт. Но принципиальные вопросы все-таки должны решаться нашими специалистами, потому что реставрация — искусство национальное и Псков с Новгородом не должны походить на Софию или Познань.

Драма нашего реставрационного дела — в разделении, в отделении и отлучении реставрационного труда от реставрационного проектирования. Одни рисуют, другие исполняют. Исключения сегодняшняя реставрационная практика почти не знает, разве что опыт гатчинского реставратора Александра Александровича Семочкина, восстановившего своими руками комплекс Вырской почтовой станции.

Реставратор перестал быть строителем, плотником и каменщиком. Тот, кто проектирует, получает большую зарплату. Тот, кто возрождает, воплощает проект, — мизерную. Так умирают древние ремесла, потому что никто не хочет идти в каменщики и плотники за эти деньги. Нельзя плотнику-реставратору платить, как строителю панельного дома, а тем паче меньше строителя.

Такое «разделение труда» произошло лет двадцать пять назад и погубило профессию реставратора, погубило народные ремесла. И тут же сделало реставрацию дорогостоящим делом!

Мне об этом рассказывал псковский реставратор Б. С. Скобельцын. Когда-то он говорил плотнику: «Надо поставить крышу. По проекту мы хотим сделать вот так». Тот соглашается: «Хорошо, сделаю. Сколько будет стоить?» «Ну, 600 рублей». Плотник берет со своими молодцами и делает. А Скобельцын ему: «А как бы ты сделал для себя?» «А для себя я бы тут и тут сделал бы вот эдак...» И делали!

Мне рассказывали, что в Новгороде недавно списали одних лишь реставрационных проектов, неосуществленных и морально устаревших, на три миллио-

на рублей... То же и в Ленинграде. Интересно, долго ли это будет продолжаться?

Я говорил об этом в правительстве, со мной согласились. А как это выйдет на практике?..

И еще о памятнике в честь освобождения Новгорода. Это безобразное сооружение возмущает и новгородцев, и приезжих. Этот нелепый памятник поставлен на Софийской стороне: всадник, скачущий в сторону Торговой стороны и буквально ломающий ноги коня о свастику.

Для справки: освобождение города пришло как раз с Торговой стороны. Значит, всадник летит навстречу советским войскам. Кстати, в тех местах действовала только фашистская конница, она стояла как раз в Юрьевом монастыре. У наших конницы под Новгородом не было. Весь памятник — как увеличенный оловянный солдатик. Уровень художественный — самый примитивный.

Сейчас время стремительно меняется и ставит перед нами очень сложные задачи. Возродить культуру народа можно только оценив утраченное. Повторю: это насущная задача дня — изучить и восстановить историю утрат: распродаж и разрушений.

И, наконец, еще одно и очень важное: необходимо изучать «образ города», его индивидуальность. Только после того составлять планы реставрации. И новые районы должны создаваться в гармонии с историческими.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА ЛИТЕРАТУРЫ

Выступлением Д. С. Лихачева мы начинаем нашу новую рубрику. Она так и будет называться — «Боль Отечества». Долгие десятилетия накапливалась в обществе эта боль. Долгие годы тема отечественной культуры, поруганной, подрубленной административно-репрессивными методами сталинщины, искала выхода на страницы периодических изданий.

Нельзя сказать, что тема эта вовсе уж «земля незнакомая». И начинаем мы наш долгий разговор статьей ученого, который еще и в начале пятидесятых отстаивал нерасторжимую связь культурно-исторических традиций, мужественно вступался за обесчещенные памятники прошлого, вел мучительную борьбу против чиновного варварства и общего нашего небрежения духовным наследием народа. Это Лихачев выдвинул понятие «экология культуры» и неоднократно предупреждал о недопустимости «эксплуатации будущего».

Конечно, нам не удалось бы сохранить и того, что мы все-таки сохранили, если бы, помимо Лихачева, десятки подвижников культуры не вставали бы перед ножом бульдозера, не спасали бы своими руками картины и рукописи, не собирали бы подписи под петициями.

И все-таки именно сегодня это движение становится подлинно общественным и массовым. Так обстоит дело в России. Такие же процессы идут сейчас в каждой советской республике, везде, где человек становится гражданином и понимает, что будущее напрямую зависит от прошлого. Увы, есть у этого движения уже и негативный опыт: тем, кто противится демократизации, тем, кому вольготно жилось в застойные годы, спекуляция на национальных святынях нужна, чтобы поссорить народы, списать все беды на «происки инородцев». Слова о многолетней «психологической войне против России» недвусмысленно прозвучали с телеэкрана в июльском вечере журнала «Наш современник» из уст главного редактора Викулова. И не были опровергнуты ни в одном из выступлений уважаемых наших писателей. Что ж, это тоже позиция, это тоже «принципы». Другое дело, что ведут они к той же сталинщине.

От нас зависит, чтобы этого не произошло.

Валерий АГРАНОВСКИЙ

АНФАС И ПРОФИЛЬ КОНОНА МОЛОДЫЯ

МОНОЛОГИ*

АВТОР:

Предыстория. В самом конце шестидесятых годов я, молодой литератор, упражняющийся в сочинении детективов и уже напечатывавший к тому времени (правда, под псевдонимом и в соавторстве) несколько приключенческих повестей в центральных молодежных журналах, получил неожиданное предложение от соответствующего ведомства собрать материал для документального повествования о советском разведчике Г.-Т. Лонгсдейле.

Я знал понаслышке, что Лонгсдейл был крупным английским промышленником-миллионером, получившим от королевы Великобритании звание «сэра», что он был арестован в Англии, осужден, сидел какое-то количество лет, а потом обменян на комманданта Винна (или Девинна?), изобличенного в шпионской деятельности против СССР и приговоренного у нас к тюремному заключению.

Немного поразмыслив, я дал согласие, движимый более любопытством, нежели желанием писать о Г.-Т. Лонгсдейле. Откровенно признаться, к «шпионским» детективам я и до сих пор отношусь с предубеждением: меня шокирует то обстоятельство, что с их помощью молодому и неопытному читателю в сладостной облатке погонь, перестрелок и переодетый может преподноситься горькая начинка в виде самых различных методов, — надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю, — вполне приемлемых для достижения целей не только в разведке, но, между прочим, в жизни вообще.

Однако я не жалею, что встретился с Лонгсдейлом. Замечу попутно, что на самом деле мой будущий герой не был ни «Г.-Т.», ни «Лонгсдейлом», а Константином Трофимовичем Перфильевым, под именем которого официально значился в архивах и делопроизводстве Центра. Впрочем, не был он и Перфильевым, а вовсе Кононом Трофимовичем Молодым, сыном ученого и врача, родившимся в Москве и жившим в молодости на Русаковской улице, что возле Сокольников, прямо напротив кинотеатра «Шторм», ныне снесенного, но я не уверен, что и Молодой его настоящая фамилия.

Так или иначе у меня было с Кононом Трофимовичем ровно одиннадцать встреч. Обставлялись они следующим образом. Заранее, примерно за неделю до каждой встречи, я составлял вопросник из пяти — семи пунктов, переправлял его в соответствующее ведомство, откуда мне сообщали, когда и в котором часу я должен подъехать к главному подъезду соответствующего здания на одной из центральных площадей столицы, а проще сказать — в КГБ.

Я подъезжал. Меня встречали и вели в просторную комнату на втором этаже, которую лучше бы назвать маленьким залом. Он был пустым, если не считать длинного полированного стола с пепельница-

* Отрывок из повести «Профессия: иностранец», которая полностью будет опубликована в этом году в сентябрьском номере журнала «Знамя».

ми, стоящего посередине, и более десятка стульев с одной его стороны, предназначенных для моих собеседников, и одного стула по другую сторону — для меня. Я сидел и ждал. Минут через пять входил Лонгсдейл, которого сопровождали разного возраста люди, хорошо одетые и неизменно вежливые. Их возглавлял человек примерно сорока пяти лет с белым платочком, углом торчащим из нагрудного кармана отлично сшитого пиджака, впрямь я буду называть его Ведущим. Все они по очереди здоровались со мной за руку и рассаживались на стулья, причем ни разу из одиннадцати встреч не получалось так, чтобы кто-то оставался без стула или какой-то стул без седока, хотя количество мебели и людей всегда было разным. Мой будущий герой располагался ровно напротив меня, и после нескольких ни к чему не обязывающих фраз («Как вам погода, не промокли?» — «Благодарю, я в машине, но прекратятся когда-нибудь эти дожди?» — «Прямо лондонский климат, не находите?» — «Вам лучше знать, сэръ!»), мы приступали к делу.

Сначала мне было непонятно, зачем столько молчаливых свидетелей отрывают себя от забот и присутствуют часами при наших беседах. Их назначение я понял, когда они начали вдруг говорить. Однажды, отвечая на мой вопрос, Конон Трофимович помянул факт из своей биографии, связанный с пребыванием в американской школе разведки, расположенной на территории ФРГ. Тут человек с платочком, названный мною Ведущим, вежливо прервал его и обратился к одному из присутствующих: «Прошу вас, Владимир Платонович!» Тот начал: «Строго секретная американская школа разведки находится в тридцати семи километрах от Мюнхена, если ехать по автострате Мюнхен — Берлин. На тридцать седьмом километре надо свернуть направо на бетонку, и буквально через двести метров, в лесу, на берегу небольшого озера (восемьдесят на сто двадцать шагов), будет стоять трехэтажное здание красного кирпича типичной немецкой готики, с закругленными наверху окнами по всему фасаду. Перед входом в здание два дерева: дуб диаметром около метра и ольха, ветви которой достигают окон третьего этажа...» В другой раз Лонгсдейл говорил о том, как и когда он впервые оказался в Канаде, в Торонто, и останавливался в отеле недалеко от вокзала. Ведущий попросил: «Будьте любезны теперь вы, Борис Николаевич!», после чего «Борис Николаевич» стал рассказывать мне об отеле, в котором жил в Торонто Лонгсдейл: «Отель называется «Терминаль» и характерен тем, что вся обслуга его, кстати, сплошь состоящая из мужчин, одета в униформу, специально сшитую для сотрудников «Терминаля». Лучшие номера — на шестнадцатом этаже двадцатизэтажного здания отеля, поскольку совершенно изолированы от окружающего мира звукопроницаемыми прокладками в стенах...» Почему эти данные, как и прочие, излагаемые свидетелями, не мог изложить сам Конон Трофимович, я до сих пор не знаю и могу лишь предполагать: либо он никогда